

—

Цзян Хэн думал, что не увидит Лу Ичуаня в течение следующих нескольких дней, но к его удивлению, он вернулся уже после полудня.

Его одежда была почти насквозь мокрой, козырёк кепки закрывал большую часть лица, от него веяло холодом, а острый, холодный подбородок был единственным, что оставалось видимым.

Цзян Хэн присел у двери, некоторое время смотрел на него, затем нерешительно мяукнул.

Лу Ичуань снял кепку, присел и погладил его. Его пальцы были такими же холодными, как дождь снаружи. «Что? Скучно?»

Человек и кот не могли общаться, поэтому Цзян Хэн мог только тереться об него, липко потираясь: «Мя-у...»

«Лу Ичуань, не грусти, быть котом гораздо интереснее, чем быть человеком».

Лу Ичуань не понимал слов Цзян Хэна. Он погладил его подбородок кончиками пальцев, и золотой ремешок часов неизбежно коснулся его тела.

Цзян Хэн, конечно, помнил эти часы.

После окончания вступительных экзаменов в колледж он проработал месяц в семейной компании и получил свой первый в жизни капитал, заработанный собственным трудом за более чем десять лет.

На самом деле, это было не так много, всего четыре-пять тысяч юаней.

На следующий день после получения зарплаты он побежал в торговый центр и выбрал эти часы.

У Цзян Хэна не было особого вкуса, ему просто нравились блестящие, золотые вещи. Цена часов почти полностью потратила всю его зарплату, но он был очень счастлив.

Но когда он подарил их Лу Ичуаню, то пожалел.

Мужчина был скромнен и сдержан, его украшения были неброскими, но очень дорогими, даже одна брошь стоила сотни тысяч юаней. Его часы за несколько тысяч, словно у нувориша,

выглядели на его руке неуместно.

Даже Цзян Хэн, не обладавший особым эстетическим чувством, глядя, как Лу Ичуань носит его часы, почувствовал, что цветы вставлены в навоз.

Он редко стеснялся, протянул руку, чтобы отобрать часы, но Лу Ичуань легко увернулся.

В то время Лу Ичуань уже был на голову выше его, и, глядя на него, всегда опускал глаза, но без какого-либо давления.

«Цзян Сяохэн, разве есть смысл забирать обратно подаренные вещи?»

Мужчина поднял руку, Цзян Хэн с трудом подпрыгнул, доставая только до его предплечья, ничего не схватив, зато почувствовал горький запах апельсина по всему телу: «Слишком уродливо, я думаю, что тебе это не идёт, может, сначала отдашь мне? В следующий раз я подарю тебе что-нибудь получше».

Лу Ичуань стоял неподвижно, позволяя ему трепыхаться в своих объятиях, пока тот наконец не устал. Затем он взглянул на его ресницы, похожие на вороново крыло, и неторопливо сказал: «Что уродливого? Мне кажется, очень красиво. Золото приносит богатство и пропитание».

Цзян Хэн подозрительно посмотрел на него: «Ты правда так думаешь?»

Летняя температура была высокой, и вскоре ремешок часов нагрелся от температуры тела Лу Ичуаня: «Когда я тебя обманывал?»

«Но я вижу, что ты обычно не носишь золота...»

Мужчина вовремя опустил глаза: «Ты же знаешь, я не свободен в семье Лу, и многие вещи не могу решать сам».

Цзян Хэн тут же почувствовал сострадание: «Тогда... тогда носи это, а если встретишь кого-нибудь, скажи, что это я подарил». Он потянул руку Лу Ичуаня вниз и коснулся сверкающего золотого циферблата. Было видно, что он им очень восхищается. «Но у меня не такая уж высокая зарплата. Я не могу позволить себе чистое золото».

Лу Ичуань утешил его: «Деньги не должны выставляться напоказ. Я думаю, позолота как раз то, что нужно, не жалко потерять. Когда-нибудь, когда будут деньги, купим чистое золото и поставим дома».

Цзян Хэн сразу же успокоился: «Я думаю, ты прав. Не волнуйся, когда я вырасту и заработаю деньги, я обязательно куплю тебе большие золотые часы».

Когда он говорил, Лу Ичуань тихо смотрел на него. Место, где рука подростка касалась его кожи, словно загорелось, обжигая его до сухости во рту.

«Жунжун...» Лу Ичуань отвёл руку, крепко сжимая пальцы, чтобы остановить зуд: «Сколько тебе стоили эти часы?»

Цзян Хэн смущённо потянул одежду: «Ну, не так уж и много, просто у меня зарплата не очень высокая. Мой брат сказал, что раз я иду на подработку, то он будет рассчитывать мне зарплату как стажёру, после покупки осталось всего пятьсот юаней, на них ещё можно тебя хого угостить».

Как только он это сказал, Лу Ичуань обнаружил, что зуд в его сердце невозможно подавить.

«Получается, все деньги потратил на меня?»

Мальчик моргнул, словно немного растерянный: «Если не на тебя, то на кого? Твои деньги трачу я, а мои деньги, естественно, должны быть потрачены на тебя. Ты что, считаешь, что мало?»

«Немало».

Лу Ичуань усмехнулся и протянул руку, чтобы коснуться его лица.

Но попытка утолить жажду ядом приведёт лишь к ещё более сильному отскоку.

«Жунжун большой молодец, в первый раз на работе заработал так много денег».

«Ну, не так уж и молодец, наверное...» Цзян Хэн тербил его одежду, его взгляд был ясным: «Раз уж я такой молодец, может, ты меня наградишь клубничным тортом у школьных ворот?»

«А кроме торта?»

Цзян Хэн загибал пальцы: «Жареные шашлычки на улице за школой, моя любимая лапша с перцем, и тот новый, очень вкусный шашлычный ресторан, о котором мне недавно рассказала одноклассница...»

Сколько он ни перечислял, всё это была только нездоровая пища, которую обычно нельзя было есть.

Увидев, что Лу Ичуань долго молчал, Цзян Хэн надул губы: «Я не такой уж жадный. Одног-двух будет достаточно».

Он вытащил из сумки оставшиеся пятьсот юаней, пытаясь подкупить его: «Обычный хого не стоит так много, верно? Если ты что-нибудь захочешь, я тоже могу тебя угостить».

Голос мужчины был неторопливым: «Мне ничего не нужно. Единственное, на что я надеюсь, — это...»

Он смотрел на мальчика перед собой: «Надеюсь, Жунжун поскорее вырастет».

«Лу Ичуань, мне уже восемнадцать!»

«Правда? А почему ты до сих пор как ребёнок?»

«Это всё из-за тебя! Какой примерный гражданин после сдачи экзаменов должен отчитываться за жареные шашлычки? Мне уже восемнадцать, я могу сам зарабатывать, и должен иметь право распоряжаться деньгами!»

«Восемнадцатилетний взрослый думает только о жареных шашлычках?»

«А иначе о чём?»

Лу Ичуань редко не находил слов: «...»

Наконец он сказал:

«Цзян Сяохэн, как же трудно дожидаться, пока ты вырастешь».

Но он не ожидал, что у него никогда не будет возможности дожидаться, пока он вырастет.

...

Цзян Хэн оторвался от своих мыслей и посмотрел на часы на его руке.

Прошло четыре года, и эти часы выглядели так же, как когда он их подарил, только, кажется, были разбиты, на блестящем циферблате виднелись несколько незаметных трещин. Свет в часах был слишком ярким, и если не приглядываться, их было совсем не видно.

Он невольно придвинулся к часам, щурясь, пытаясь рассмотреть получше.

Ему это кажется? Почему он чувствует, что время на этих часах немного неверное?

Не успел он разглядеть, как Лу Ичуань протянул руку и отодвинул его голову.

Он опустил рукав, закрывая часы: «С этим тебе нельзя играть. Ладно, Мими, побудь один немного, я сначала приму душ».

Лу Ичуань пошёл к шкафу за одеждой, а котёнок, шлёпая лапками, последовал за ним по пятам и чуть не врезался, когда тот повернулся.

Лу Ичуань начал снимать мокрую одежду, а котёнок присел у изножья кровати, подняв голову и наблюдая за ним.

Лу Ичуань снял куртку, затем потянулся к подолу футболки, чтобы снять её, и явно заметил, как загорелись эти глаза, похожие на обсидиан.

«...»

Он опустил одежду, поднятую до талии, из его рта вырвался смех, и он, взяв пижаму, направился в ванную.

Цзян Хэн подсознательно почувствовал сожаление, но ничуть не считал это своей проблемой. Увидев, что Лу Ичуань уходит, он снова побежал за ним.

На самом деле он не собирался заходить с ним в ванную, просто его взгляд был очень низко, и, идя по пятам за Лу Ичуанем, он совершенно не знал, куда идёт.

Когда он понял, что человек впереди остановился, его подхватили, наклонившись.

Взгляд резко взлетел вверх, как на американских горках, и когда Цзян Хэн пришёл в себя, перед ним было увеличенное лицо Лу Ичуаня.

«Маленький озорной кот, сюда нельзя».

Цзян Хэн повернул голову и наконец увидел лейку душа над головой Лу Ичуаня.

Он помахал четырьмя маленькими короткими лапками в воздухе.

«Нет, послушай, как мне теперь оправдаться...»

Но он даже не успел сформулировать фразу, как его положили на коврик у двери ванной.

Щелчок, дверь плотно закрылась. Сквозь матовое стекло двери смутно виднелся стройный силуэт.

Цзян Хэн остолбенел.

Шум воды вернул его к реальности, он резко обернулся, глядя на открывающийся снаружи пейзаж.

Лицо немного горело.

Он ведь видел, как Лу Ичуань принимает душ, но это было до старшей школы, тогда они могли спокойно сидеть в одной ванне и весело играть с уточками...

Хм... Цзян Хэн играл в одностороннем порядке.

Но с тех пор, как Лу Ичуань пошёл в старшую школу, неизвестно, было ли это от стыда подросткового возраста или из-за периода бунта, он не только не мылся с ним, но и переодевался, отвернувшись от него.

Он не ожидал, что спустя столько лет снова сможет увидеть эту сцену.

Он подумал, что хорошо, что Лу Ичуань тогда не мылся с ним, иначе, с его фигурой, похожей на белую курицу, он бы тут же выкопал туннель и закопал себя.

Бесцельно размышляя, Цзян Хэн наконец вспомнил свою цель следования за Лу Ичуанем.

Его психическое состояние выглядело очень хорошим, он отвечал без запинки и даже мог шутить, совсем не похоже на погружение в горе.

Он тихо вздохнул с облегчением.

Вот видишь! Он же говорил, что нет ничего, что время не вылечит, тем более прошло уже четыре года, ребёнок уже может пойти в детский сад, не говоря уже о том, чтобы кого-то забыть.

Цзян Хэн был немного печален, но в целом счастлив.

Видя, что Лу Ичуань хорошо живёт, он решил наградить себя кошачьей палочкой.

Пока мужчина принимал душ, Цзян Хэн быстро побежал к шкафу. Утром, когда Лу Ичуань насыпал кошачий корм, он не закрыл его плотно, оставив щель снаружи, и он всё это видел.

Другие коты, увидев еду, не всегда будут её трогать, но Цзян Хэн — это разве кот?

Он ловко открыл дверцу шкафа, точно нашёл пакет, неуклюже, но целенаправленно достал что-то, схватил зубами и разорвал — это было так плавно и естественно.

Когда Лу Ичуань вышел, Цзян Хэн уже съел две палочки и забылся, увлечённо доедая третью. Увидев, как мужчина сверху вниз смотрит на него, он тут же виновато замер, не заметив, как выпала половина оставшейся палочки, и помахал лапкой, пытаясь притвориться милым и избежать наказания.

«Мяу...»

Мужчина присел, поднял надкушенную им кошачью палочку, на его лице не было видно никаких признаков гнева: «Нравится это?»

У Цзян Хэна с детства не было самоконтроля, и он мог расти здоровым и питаться сбалансированно только благодаря строгому контролю Лу Ичуаня. Даже чтобы съесть нездоровую пищу, ему приходилось получать его разрешение, что показывает, какую жизнь он вёл раньше.

Он тихонько взглянул на Лу Ичуаня, чувствуя сильную вину.

Ведь кошачьи палочки — это тоже лакомство в кошачьем мире, их избыточное употребление не очень полезно для здоровья и может привести к привередливости в еде.

Он был готов к тому, что его отругают, но собеседник протянул ему оставшуюся половину, с нежной улыбкой: «Если нравится, ешь, я не буду тебя наказывать».

Запах еды витал вокруг носа Цзян Хэна, он не удержался и лизнул, увидев, что Лу Ичуань действительно собирается дать ему это, а не обманывает, он тут же был так тронут, что бросился к нему в объятия.

«Лу Ичуань, ты такой хороший, к котам ты гораздо щедрее, чем к людям. Я клянусь, я буду твоим котом всю жизнь!»

Такой маленький кот, непонятно откуда взялась такая сила, Лу Ичуань почувствовал тупую боль в груди от удара.

Он отодвинул кота, глядя, как тот так и норовит заговорить по-человечески, чтобы выразить свою преданность, и, помедлив, сказал: «Так сильно любишь меня?»

«Мяу-у-у!»

«Так сильно любишь...» — мужчина медленно, нараспев, протянул слова, его пальцы скользнули по уголку глаза котёнка, — «Я тоже очень люблю Мими».

Цзян Хэн смущённо усмехнулся про себя, совершенно не замечая, что улыбка мужчины над его головой совсем не доходила до глаз.

—

Дни шли своим чередом. После нескольких недель ухода Цзян Хэн перестал быть розовокожим котёнком, на его теле появился короткий пушок.

Хотя он по-прежнему выглядел довольно странно, но, по крайней мере, не был лысым.

Он сидел перед зеркалом в полный рост, рассматривая себя.

Его фигура сильно вытянулась по сравнению с тем, каким он был, когда только появился. Возможно, из-за быстрого роста он не сильно поправился, он был худым и длинным, а что касается роста...

Цзян Хэн опустил голову, глядя на свои короткие лапы.

«Всё в порядке, всё в порядке, ничего страшного!»

Он утешал себя, что ещё вырастет.

Что касается цвета шерсти...

Цзян Хэн повернулся то вперёд, то назад, долго смотрел и видел только тонкий слой светлой белой шерсти.

Неужели он белый кот?

Тогда, может, потом можно будет сниматься в рекламе жидкого порошка?

Через несколько секунд Цзян Хэн очнулся и стукнулся головой о зеркало.

«Это всё из-за кошачьих палочек с добавками!»

Лу Ичуань в последнее время очень занят. Иногда, когда Чжао Шоу приходит в общежитие, он немного рассказывает об этом. Кажется, Лу Ичуань участвовал в каком-то мероприятии со

своим научным руководителем, постоянно были совещания и выезды.

Но он по-прежнему привязан к Цзян Хэну.

Не то чтобы он его любил, а именно привязан.

Как только он возвращается домой, он берёт его на руки, не целует и не ласкает, просто тихо смотрит на него, и если Цзян Хэн хоть на секунду исчезает из поля его зрения, он тут же возвращает его обратно.

Цзян Хэн чувствовал себя немного странно, долго наблюдал, но так ничего и не понял.

Он был слишком глуп, чтобы даже отличить, счастлив Лу Ичуань или грустен.

Однако, помимо случайных моментов молчания, большую часть времени Лу Ичуань был позитивным и жизнерадостным, казалось, что он действительно отпустил прошлое.

...

Мяуканье с балкона прервало мысли Цзян Хэна.

Он подбежал к балкону, и на платане показались несколько кошачьих морд.

Одна трёхцветная кошка, один неохотный рыжий кот, и одна робкая грушевая кошка.

«Мяу».

«Выходи играть!»

Цзян Хэн быстро побежал.

«Мяу-у-у...»

«Иду! Иду!»

—